

БЫТИЕ СОЦИАЛЬНОГО В СТРУКТУРАХ «ЗЛОВЕЩЕГО»: ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Рассматривается понятие «зловещее» в связи с проблематикой социального бытия в аспекте герменевтической онтологии. Семантический анализ немецкого слова *unheimlich* (зловещее, жуткое) позволяет строить рассуждения о зловещем как о чем-то тайном, скрытом, что было внутренним, «своим», но подверглось вытеснению и стало внешним, «чужим» (отчужденным). Зловещее есть эффект «возвращения вытесненного». В категориях субъекта и объекта зловещее понимается как результат объективации субъективности: «пустое место» (*unheimlich*) элиминированной субъективности начинает работать как фантазматическое пространство, продуцирующее конспирологические мифы о тайных социальных силах, структурирующих социальное бытие в соответствии с неким зловещим замыслом.

Ключевые слова: зловещее; зло; социальное бытие; мышление; субъективность.

Понятие «зловещее» традиционно относится к области человеческой психологии и исследующих ее психологических наук, отсылая к сфере человеческих аффектов, чувств. В некоторых случаях происходит обращение к теме зловещего также в рамках этики и эстетики. В данной статье предпринимается попытка обозначить подступы философской рефлексии к этому понятию в дискурсе социальной онтологии – в той ее части, которая имеет дело с проблемой бытия социального зла.

Проблема зла является сквозной для западноевропейской философии, представляя собой способ самоопределения бытия в конструктах негативной дискурсивности [1. С. 3]. Зло понимается здесь как чистое отсутствие, нехватка бытия, как «зло не-бытия» [Там же. С. 8]. Сама метафизика имеет, по мнению М. Хайдеггера, сущностное отношение к данной проблематике, поскольку отсылает к такому исследованию, которое выходит (μέτα, trans) «за» пределы сущего как такового, в сферу Ничто. Ничто, пишет М. Хайдеггер, открывается человеку в фундаментальном настроении ужаса, в котором нам делается жутко. Хотя ужас и есть ужас перед чем-то, но не перед конкретной вещью. Следовательно, ужас сталкивается с чем-то неопределенным. «Что делает себя жутким?» – задается вопросом М. Хайдеггер [2. С. 21].

Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к работе З. Фрейда «Unheimlich» («Жуткое», «Зловещее») [3]. Зловещее (или жуткое), как полагает Фрейд, связано с тем, что вызывает испуг, страх или ужас. З. Фрейд пытается выявить своеобразное ядро, которое позволило бы распознать зловещее в рамках всего того, что вызывает страх. Анализ того, что вызывает чувство жуткого, приводит З. Фрейда к выводу, что жуткое (зловещее) – «это та разновидность пугающего нас, которая имеет начало в давно известном, в давно привычном» [3. С. 352]. Для объяснения, каким образом привычное может обратиться в жуткое, З. Фрейд обращается к различным значениям этого слова в немецком языке. Слово «unheimlich» противопоставляется (за счет отрицательной приставки un-, «не») слову «heimlich», имеющему такие значения, как «уютное», «родное», «привычное». Следовательно, жуткое есть то, что нам незнакомо и непривычно. Однако не все новое и непривычное производит эффект жути, поэтому З. Фрейд пытается выйти за пре-

делы тождества жуткое = незнакомое в поисках того недостающего «элемента», который превращает незнакомое и непривычное в жуткое. Значение heimlich коннотирует широкий спектр смысловых ассоциаций, связанных уютом и привычностью домашней обстановки, внутреннего домашнего пространства, вызывающего чувство спокойного благополучия и надежной защиты. Вместе с тем в этимологическом родстве со словом «heimlich» стоят слова «Geheim» («потайное») и «Geheimnis» («тайна»). Из «родного», «домашнего» развивается понятие «скрытое от чужого взгляда», «сокровенное», «тайное» («heimlich»). В ходе языковых изысканий З. Фрейд приходит к выводу, что слово «heimlich» относится к двум семантическим полям, которые, не являясь противоположными, все же довольно далеки друг от друга: представление о привычном и уютном (приятном) и представление о скрытом и тайном. «Жуткое» употребляется в качестве противоположности только к первому значению, а во втором значении они совпадают (heimlich = unheimlich). В конечном счете З. Фрейд прибегает к наиболее удовлетворительному, по его мнению, определению, которое дал жуткому (зловещему) Ф. Шеллинг: «Жутким называется все то, что должно было оставаться тайным, скрытым, но вышло наружу» [Там же. С. 375]. В свете данного Ф. Шеллингом определения З. Фрейд предлагает сделать вывод, что жуткое (зловещее) связано с возвращением вытесненного, которое навязчиво повторяется: «...словоупотребление смогло превратить слово “скрытое” в свою противоположность – “жуткое”, ведь это жуткое на самом деле не является чем-то новым или посторонним, а стало чем-то давным-давно привычным для душевной жизни, что было отчуждено от нее исключительно в результате процесса вытеснения» [Там же. С. 376].

Соотношение heimlich / unheimlich может рассматриваться, на наш взгляд, как соотношение между имманентным (внутренним) и трансцендентным (внешним), субъективным и объективным. Тогда определение жуткого (зловещего), сформулированное З. Фрейдом, может быть истолковано в качестве объективации субъективности. Иными словами, вытесняется именно субъективность, которая затем начинает прозрачно предьявляться как «возвращение вытесненного» в структурах объективности. Heimlich есть

то, о чем М. Хайдеггер говорит как о языковом доме бытия (Heim – «дом», «обитель», «общежитие»), в жилище которого обитает человек. Предикат мышления является сущностным в определении человека как мыслящего существа (animal rationale). Поэтому единственным прибежищем человека, его домом может быть только мышление. Это находит отражение в принципиальном положении фундаментальной онтологии о тождестве бытия, языка и мышления (бытие = язык = мышление). Если рассматривать unheimlich как нечто внешнее, трансцендентное, объективное («существуют вещи вне нас» – исходная установка объективизма), то зловещее следует понимать как зло вещей (проклятая сторона вещей, по словам Ж. Бодрийера), за которым скрывается «зло-Вещь». Для обозначения ужасающе-травмирующей реальности Абсолюта З. Фрейд использует понятие «das Ding», «Вещь». Как отмечает Ф. Лаку-Лабарт, проблематика сверхсущего Абсолюта в рамках западной метафизики выступала как традиция возвышенного, которая всегда сталкивалась с фундаментальным парадоксом онтологии: это скрытая сверхчувственная Реальность, проявляющаяся в чувственной реальности. Отсюда следует, что структура возвышенного всегда противоречива. В возвышенном появляется, причем самым brutalным образом (отсюда метафоры молнии, взрыва, ошеломления и т.д.), то, что не должно было бы появиться вовсе, точнее, то, что не должно быть способным к появлению. Возвышенное высоко, ужасающе, грандиозно и т.д., поскольку оно, прежде всего, необыкновенно, экстраординарно. В посткантовской традиции, от Гёльдерлина и Ф. Шеллинга до М. Хайдеггера, значение возвышенного переходит к словам «unheimlich» и «ungeheuer» (экстраординарное в смысле непривычного, незнакомого, странного), которые восстанавливают всю силу понятия, связывая его с греческим deinon: чудесный, удивительный, но также – и прежде всего – чудовищный, монструозный, т.е. показывающий то, что не должно быть показано [4].

Эта Вещь всех вещей является таким Объектом желания, который удален на дистанцию бесконечности от субъекта. Поскольку этот Абсолютный объект принципиально недостижим, постольку эта Вещь оказывается травматическим ядром субъективности, выступая тем самым в качестве ее структурирующего основания, или «места» структурирования. Существование этого «места» носит парадоксальный характер, так как, с одной стороны, оно находится «в» субъективности как ее сущность, т.е. является внутренним, имманентным, с другой стороны, в качестве Вещи оно является трансцендентным, внешним и недостижимым горизонтом желания.

Любой конкретный объект в поле зрения субъекта является неточной, неполной версией Объекта, Вещи. «Когда смотрят на маленькую вещь, тогда на самом деле на смотрящего из другого места “смотрит” Вещь. Поскольку она “смотрит” из каждой вещи, постольку возникает недостижимый горизонт Вещи, которая всегда держит смотрящего в фокусе своего взгляда. Смотрящий субъект становится объектом для “взгля-

да” Вещи, которую он никогда не видит. Существование невидимой Вещи образует сферу невидимости, которая оказывается сферой видимости субъекта как объекта “видения” Вещи. Эта сфера как область невидимого существует как чистый “взгляд”. Он принадлежит только самой Вещи. Смотрящий субъект “лишен” взгляда. <...> Поскольку она отовсюду “смотрит” на субъекта, он всегда находится под ее “взглядом”, являясь бытием-под-взглядом, постольку можно говорить о том, что она совпадает с инстанцией абсолютного контроля...» [5. С. 80–81]. Примечательно, что З. Фрейд в качестве примера жуткого, зловещего берет новеллу Гофмана «Песочный человек», связанную с мотивом похищения глаз. Объективированный в социальном пространстве взгляд порождает параноидальную Obsессию, вращающуюся вокруг наличия скрытых сил – неких тайных организаций, осуществляющих тотальное наблюдение (фантазм «всевидящего ока») и управление обществом в своих зловещих интересах: «Так, неизвестный “заговор масонов” есть не что иное как “эффект” реальности, который порождается самой этой реальностью, но не признается в качестве продукта или существования самой системы. Этот “след” выделяется и присваивается как принадлежащий скрытой Реальности “мирового еврейства”. Он начинает функционировать как “эффект” поверхности системы “мирового еврейства”, или “мирового еврейского господства”, или “мирового заговора”, где существуют “протоколы сионских мудрецов” и т.д.» [Там же. С. 40].

Трансцендентализация (объективация) оснований системы социального знания связана с элиминацией («вытеснением») мыслящего (рефлектирующего) субъекта, «пустое место» которого порождает эффект unheimlich (место, по Аристотелю, – это то, что остается после того, как вещь перемещена или перестала существовать). Говоря метафорическим языком, это место отсутствующего субъекта – пустой дом, который, будучи теперь обозначением внешнего пространства, становится зловещим местом, скрывающим какую-то страшную тайну (собственно, дом с привидениями – это пространство п(р)оявления «призрачной» (отчужденной) субъективности). Поскольку точка мыслящего «Я» в потоке существования является точкой самообнаружения существования, предъявляющей рефлексивное тождество мышления и бытия, постольку отказ от мышления в акте его объективации с необходимостью сопровождается также и нигилизацией бытия: бытие = не-бытие, или Heimlich = unheimlich. Согласно Р. Барту, там, где кончается смысл, сразу же начинается миф. Означающее в мифе «присутствует в своей пустоте, а смысл – отсутствует в своей полноте» [6. С. 249]. Объективация смысла социального бытия порождает фантазм (миф) скрытого смысла, обладание которым приписывается неким зловещим силам, контролирующим общество.

Как отмечает Ж. Лакан в своем семинаре «Тревога», ужасное, тревожное, подозрительное, т.е. все то, что соответствует немецкому unheimlich, всегда представлено неким подобием окон-отверстий. Случай дома с привидениями прекрасно иллюстрирует, как

эта пустая поверхность – пространство фантазии – работает как экран для проекции желаний: завораживающее присутствие его содержания всего лишь заполняет некую пустоту. «Тревога, – пишет Ж. Лакан, – возникает тогда, когда появляется в рамке то, что, будучи изначально налицо, пребывало в непосредственной близости, можно сказать, дома, Heim. Это хозяин, скажете вы. И будете, в каком-то смысле, совершенно правы – бесцеремонно возникающая фигура неведомого хозяина действительно тому, с чем вы сталкиваетесь в unheimlich, очень близка, но сравнение это все же остается неточным. Как свидетельствует сам французский язык, где хозяин (hôte) и враждебный (hostile) одного корня, фигура хозяина в значительной мере заранее ожиданием подготовлена» [7. С. 95]. Таким образом, враждебное заранее накладывается на хозяина свою печать: теперь это уже не своя, домашняя (heimlich) фигура, не обитатель дома, а принятый в него враг, которого удалось умиротворить и улестить. «Домашнее, Heim, причастно тайне, Geheimnis. Не пройдя через сети и закоулки признания, оно так и осталось неодомашенным, чуждым, unheimlich, не столько “не жилым”, сколько “не жильцом”, не столько непривычным, сколько необитаемым. Появление в рамке этого heimlich и есть то, что мы называем тревогой, – вот почему нельзя говорить, будто объекта у тревоги нет» [Там же].

Образцовой схемой здесь служит опыт радикального, или метафизического, сомнения Р. Декарта, в котором появляется демоническая фигура Бога-обманщика, а весь кажущийся мир предстает как результат Его злого умысла [8. С. 338]. Радикальное сомнение Декарта и вытекающая из него гипотеза «злокозненного гения» (le malin génie) являются метафизической моделью всех конспирологических взглядов на происхождение социального зла. Конспирология образует саму суть метафизики как подозрительно-недоверчивого отношения к чувственно воспринимаемой реальности. Будучи теорией двух миров, метафизика утверждает иллюзорный характер явленности, которая представляет собой всего лишь «игру теней» (метафора из «притчи о пещере» у Платона), порождаемую истинной реальностью неких скрытых сил или сущностей. Конспирологический подход в сфере социального бытия реализуется в рамках различных теорий заговора, основывающихся на совокупности гипотез, в соответствии с которыми социальные явления предстают как результат злонамеренных действий тайной группы лиц, осуществляющих управление социально-историческим процессом согласно некоему зловещему замыслу.

Объективированная субъективность начинает зловеще предъявляться как «возвращение вытесненного» в виде «проклятой стороны вещей». Речь идет об анимализации вещей, когда в вещах вдруг обнаруживается некая «одухотворенная» скрытая сила, несущая угрозу человеку. В продукции массовой культуры это популярные нарративы о восстающих против человечества машинах, оживающих куклах и пр. Эффект жуткого здесь связан именно с тем обстоятельством, что где-то внутри этих объектов имеется некое подо-

бие живого разума, мышления, представляющих опасность для существования человека [9]. На пределе полной объективации мы сталкиваемся со скрытой субъективной силой, с «тёмным богом», требующим жертв. Тогда бездушный автоматизм уже начинает проявляться в самих человеческих действиях. В этом случае жуткое – это проявление какого-то непристойно-нечеловеческого автоматизма за фасадом человеческого способа бытия (как, например, созерцание бьющегося в конвульсиях эпилептика, производящего жуткое впечатление дергающейся безжизненной марионетки). И. Кант в порядке мысленного эксперимента в «Критике практического разума» изображает картину того, что было бы с нами, если бы мы имели прямой доступ к сфере ноуменального: непосредственное созерцание Бога и вечности в их грозном величии превратило бы поведение людей в марионеточный механизм [10. С. 547–548]. Именно поэтому С. Жижек справедливо переворачивает традиционную формулу, согласно которой «Если Бога нет, дозволено все». Его формула имеет такой вид: «Если Бог *есть*, тогда все дозволено». Действительно, незнание божественного замысла позволяет нам приписывать ему какое угодно содержание и тем самым легитимировать самые ужасные злодеяния: «...урок сегодняшнего терроризма состоит в том, что если Бог есть, то все, даже убийство сотен невинных наблюдателей, дозволено тем, кто заявляет, что он действовал от имени Бога, в качестве проводника Его воли, поскольку, очевидно, прямая связь с Богом оправдывает нарушение нами любых “слишком человеческих” ограничений и условий. Главным доказательством этого служат “безбожные” сталинские коммунисты: им было дозволено все, поскольку они считали себя непосредственным орудием своего божества, Исторической Необходимости Движения навстречу Коммунизму» [11. С. 106]. Поэтому Ж. Лакан абсолютно прав, когда говорит о том, что, используя современный язык автоматизации и электроники, кантовский императив мог бы звучать следующим образом: «поступай лишь так, чтобы всякое твое действие могло быть запрограммировано» [12. С. 103].

Действительно, кантовская этическая формальная неопределенность состоит в том, что Закон не сообщает мне, в чем именно состоит мой долг, он просто требует от меня его безусловного исполнения. Таким образом, из самого Закона невозможно вывести конкретные нормы, которых я должен придерживаться в той или иной определенной ситуации. Объективация Закона приводит к полному отождествлению позиции субъекта со сферой ноуменальной «вещи-в-себе» (Абсолютном, Вещью), т.е. происходит своеобразное «короткое замыкание» между партикулярным и универсальным, при котором слова и поступки частного субъекта становятся выражением некой универсальной субстанции – Бога, Партии, Природы, Нации, Государства и т.п. В этом случае субъект превращается в не-человеческую фигуру дьявольского зла (именно от «дьявольского зла» как следствия своих построений И. Кант безуспешно пытался избавиться).

Таким образом, отказ от субъективности сопровождается объективацией мышления, в которой про-

исходит отождествление фундирующего понятия с гипостазированной социальной реальностью. Предполагается, что за всем существующим скрывается некое основание, которое обнаруживается, когда как бы снимаются слои существования. «Приближение к основанию сопровождается состоянием ужаса, которое разрушает существование» [5. С. 56]. Обнаруживается фигура зловещего Другого как некоего структурирующего основания. Происходит объективация собственного «злого» взгляда в фигуре «злобного наблюдателя». Миф о социальной реальности как об обманчивой видимости, сконструированной «злобным наблюдателем», инициирует тех, кто верит в этот миф, на совершение действий по разрушению реальности: «Во имя победы над злом принимаются законы и правила, которые могут в итоге стать еще большим злом. <...>

Поскольку зло – в *других*, кажется, что для победы над ним допустимо применение всяких методов» [13. С. 298]. Наша собственная субъективность обнаруживается через фигуру зловещего Другого, которым в действительности являемся мы сами, только в «овнешненном» виде. Предположение злого умысла, управляющего социальным бытием, инициирует попытки разрушить обманчивую видимость чтобы добраться до подлинной реальности «как она есть на самом деле». Однако столкновение с такой «чистой реальностью» (Вещью с большой буквы, Абсолютом) оборачивается шоком, состоянием жути, поскольку за пределами символического порядка и смысла, в котором только и может обретаться человек как у себя дома, нет ничего, кроме хаоса тотальной неопределенности и небытия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Колбин Д. Онтология социального зла : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ижевск : Удмурт. гос. ун-т, 2004. 15 с.
2. Хайдеггер М. Время и бытие. М. : Республика, 1993.
3. Фрейд З. Жуткое // Фрейд З. Интерес к психоанализу : сборник. Минск : Попурри, 2004. С. 349–389.
4. Лаку-Лабарт Ф. Проблематика возвышенного. URL: <http://www.abai.kz/node/1241> (дата обращения: 5.10.2014).
5. Бушмакина О.Н. Proxima: Славой Жижек. Семинары 2007–2008. Ижевск : ERGO, 2010. 144 с.
6. Барт Р. Мифологии. М. : Изд-во им. Сабашниковых, 2000. 320 с.
7. Лакан Ж. Тревога. М. : Гнозис, Логос, 2010. 424 с.
8. Декарт Р. Метафизические размышления // Декарт Р. Избранные произведения. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1950. С. 319–408.
9. Яркеев А. «Зловещее» в бытии социального // Социальная онтология в структурах теоретического знания : материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. Ижевск : Удмурт. ун-т, 2012. С. 87–90.
10. Кант И. Критика практического разума // Кант И. Соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994. Т. 4. 630 с.
11. Жижек С. О насилии. М. : Европа, 2010. 184 с.
12. Лакан Ж. Этика психоанализа. М. : Гнозис; Логос, 2006. 416 с.
13. Свендсен Л. Философия зла. М. : Прогресс-Традиция, 2008. 352 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 15 декабря 2014 г.

THE BEING OF THE SOCIAL IN THE STRUCTURES OF THE UNCANNY: HERMENEUTICAL ASPECT

Tomsk State University Journal, 2015, 392, 83–87. DOI 10.17223/15617793/392/14

Yarkeev Aleksey V. Ural Branch of Russian Academy of Sciences (Izhevsk, Russian Federation). E-mail: alex_yarkeev@mail.ru

Keywords: uncanny; evil; social being; thinking; subjectivity.

The concept "uncanny" is traditionally connected with human affects, emotions and examined by psychology, sometimes by aesthetics and ethics. This article attempts to formulate a philosophical approach to the concept "uncanny" in the social ontology discourse which deals with the problem of social evil. The semantic analysis of the German word "unheimlich" (uncanny, sinister) allows to consider *uncanny* as something latent, invisible, secret that was primarily internal, "own" but was extruded, repressed and then became external, "alien". *Uncanny*, thus, is an effect of the "return of the repressed" (in terms of Freud's psychoanalysis). The opposition "heimlich / unheimlich" may be regarded as an opposition between the immanent and the transcendent, the subjective and the objective. In this case, *uncanny* can be defined as "objectivation of subjectivity". In other words, it is subjectivity that is repressed but then emerges as a "return of the repressed" in the structures of objectivity. The place of subjectivity is conceptualized as "Heim" which is, according to M. Heidegger, the language home of being for a person. People's only home is thinking because man is defined as a "thinking being". The empty place of eliminated subjectivity produces the *uncanny* effect (according to Aristotle, a place is what remains after a thing has been replaced or exists no more). This empty place begins to work as a phantasmatic space producing conspiratorial myths about invisible social forces which manipulate social reality according to their sinister project. Our own subjectivity finds itself externally in the uncanny figure of "Other" as a structuring basis. Assumption of the "uncanny Other" initiates deconstruction of the deceptive reality and finding authentic reality beyond all the constructed illusions. But facing such "pure reality" causes shock, the uncanny emotion, because there is nothing but chaos of total indefiniteness and non-being beyond the symbolic order and meaning in which a person feels like home.

REFERENCES

1. Kolbin D. *Ontologiya sotsial'nogo zla*: avtoref. dis. kand. fil. nauk [Ontology of social evil. Abstract of Philosophy Cand. Diss.]. Izhevsk, 2004. 15 p.
2. Heidegger M. *Vremya i bytie* [Time and Being]. Translated from German. Moscow: Respublika Publ., 1993. 447 p.
3. Freud Z. *Interes k psikoanalizu* [Interest in psychoanalysis]. Minsk: Popurri Publ., 2004, pp. 349–389.
4. Lacoue-Labarthe F. *Problematika vozvyshennogo* [The issue of the sublime]. Available from: <http://www.abai.kz/node/1241>. (Accessed: 5th October 2014).
5. Bushmakina O.N. *Proxima: Slavoy Zhizhek. Seminary 2007–2008* [Proxima: Slavoj Žižek. Seminars of 2007–2008]. Izhevsk: ERGO Publ., 2010. 144 p.

6. Barthes R. *Mifologii* [Mythologies]. Moscow: Izd-vo im. Sabashnikovykh Publ., 2000. 320 p.
7. Lacan J. *Trevoga* [Anxiety]. Moscow: Gnozis, Logos Publ., 2010. 424 p.
8. Descartes R. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury Publ., 1950, pp. 319–408.
9. Yarkeev A. [The "uncanny" in the being of the social]. *Sotsial'naya ontologiya v strukturakh teoreticheskogo znaniya: materialy IV Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Social ontology in the structures of theoretical knowledge: Proc. of IV International Scientific and Practical Conference]. Izhevsk: Udmurt State University Publ., 2012, pp. 87–90. (In Russian).
10. Kant I. *Sochineniya: v 8 t.* [Works: in 8 vols.]. Moscow: Choro Publ., 1994. Vol. 4, 630 p.
11. Žižek S. *O nasilii* [On violence]. Moscow: Evropa Publ., 2010. 184 p.
12. Lacan J. *Etika psikhoanaliza* [The ethics of psychoanalysis]. Moscow: Gnozis, Logos Publ., 2006. 416 p.
13. Svendsen L. *Filosofiya zla* [A philosophy of evil]. Moscow: Progress-Traditsiya Publ., 2008. 352 p.

Received: 15 December 2014